

Елена Бауэр

ЕГО
ВЫСОЧЕСТВО
НИИ

Елена Бауэр

Его Высочество Пиц. Узы

«Автор»

2023

Бауэр Е.

Его Высочество Пиц. Узы / Е. Бауэр — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-91070-6

Новый исторический роман от автора Саги о Елисеевых! Хотите окунуться в жизнь Императорской семьи, разделив с Великими Князьями их печали и радости? Долгое время членов Царской семьи нам представляли, как карикатурных персонажей, лишенных человеческих чувств. Развенчаем этот миф! «Елена Бауэр довольно подробно и со знанием дела посвящает читателей в хитросплетения династических браков, поиски старшими членами семей подходящих партий для подросших отпрысков, встречи царственных родственников на курортах и во время разного рода памятных событий. Хороши у автора описания развлечений, повседневного быта, отношений между членами императорской фамилии. Охоты, балы, обустройство дворцов, бесконечные путешествия, одним словом, атмосфера непрерывного праздника, наслаждения жизнью, превосходящего меру материального комфорта «хозяев России» переданы автором убедительно и изящно с художественной точки зрения.» (Юрий Козлов, главный редактор журнала «Роман-газета, 9.11.2023)

ISBN 978-5-532-91070-6

© Бауэр Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава I	5
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Бауэр

Его Высочество Пиц. Узы

Глава I

I

Январское солнце заглянуло в гранатовый будуар Зимнего дворца и, быстро пресытившись роскошным барочным убранством, попыталось проникнуть в опочивальню Императрицы, чтобы порезвиться на королевско-голубом шелке стен и поиграть с украшающей мебель в стиле буль невероятной инкрустацией из черепаховых панцирей. Но суровые портьеры-жандармы охраняли покой хозяйки комнаты, не позволяя разгулявшимся не по сезону солнечным лучам потревожить ее.

Павел смотрел на исхудавшую и пожелтевшую мать, которая спала прерывистым сном, хрипя и кашляя. Каждый вздох давался ей с трудом. Воздух со свистом блуждал по глубоким, извилистым кавернам в легких, словно заплутавший в Крымских пещерах странник. В этой высохшей мумии под полуночно-синим балдахином вряд ли кто-то мог бы узнать некогда очаровательную Императрицу Всероссийскую, Марию Александровну.

Еще прошлым летом тлела надежда, что состояние здоровья Царицы улучшится. С этим ее отправили на Французский курорт. Однако в декабре ей стало хуже. Семья решила, что Марии Александровне лучше вернуться. Павел был с ней в Каннах и прибыл оттуда ко двору с окончательным решением о необходимости перевезти мать в Петербург. Доктор Боткин сомневался, перенесет ли больная дорогу. Сама Императрица приняла известие о возвращении в штыки, но у нее совершенно не было сил сопротивляться.

Вопреки всем страхам Мария Александровна добралась до Петербурга. Она все чаще впадала в полузабытье. Рядом с ней постоянно дежурил Боткин и его ученик Альшевский, специалист по легочным болезням. Врачи давали возможность детям побыть с матушкой наедине. Так было и в тот вечер. Павел сидел рядом с Марией Александровной, накрыв ее тонкую кисть своей ладонью, и ему казалось, что от его прикосновения она успокаивается, и дыхание ее постепенно выравнивается.

Солнце ушло на покой больше часа назад. Тихая ночь закуталась в ажурную шаль тумана. Павел взглянул на часы. Скоро шесть. Глаза слипались. Надо было взять себя в руки, через полчаса обед с дядей, принцем Гессенским, который прибыл в Санкт-Петербург вместе со своим сыном, Александром Баттенбергом, в надежде застать сестру живой. Поезд гостей немного задержался, и обед пришлось перенести. У Павла еще было время.

Молодой человек вытянул длинные ноги. Он был высок и ладно сложен. При элегантной стройности у него были широкие плечи и грудь колесом, как у молодого Николая I. Едва юноша перешагнул пубертатный период, близкие стали замечать, насколько он походит на Августейшего деда. Великому Князю это сравнение льстило. В то же время узким, вытянутым лицом и огромными, немного навывкате глазами он явно пошел в мать. Молодой человек и это обстоятельство находил весьма приятным. Многие считали его самым симпатичным из сыновей Александра II. Что ж, глядя на свое отражение в зеркале, Павел вряд ли стал бы это оспаривать.

Мария Александровна ненадолго затихла, и молодой человек не заметил, как задремал под мирное тиканье настенных часов. Ему привиделся странный сон – будто он, словно птица, летит над кронами сосен простирающегося без конца и края хвойного леса. Удивительное чувство! Ему легко, словно он сбросил весь груз мирских тревог и обид. Вдруг под собой он видит глубокую черную воронку в земле. Сердце на секунду сжимается от ощущения, что зияющая яма хранит в себе чудовищную тайну. Неожиданно откуда-то из-под земли раздается Херу-

вимская песня. Слабым, дрожащим голосом поет женщина. Павел очень явственно слышит запах лилий, меда и ладана.

Внезапно раздался жуткий грохот, пол задрожал под ногами, стены зашатались. Павел едва не упал со стула. Это был уже не сон. Молодой человек вскочил и бросился в обеденный зал, где они должны были встречать гостей и откуда, по ощущениям, шел звук. На встречу выбежал брат, Сергей Александрович.

– Что случилось? Где Папá? – испуганно прокричал, словно контуженный, Павел.

– Что с Мамá, Пиц? Слава Господу, ты не пострадал! – одновременно с младшим братом спросил Сергей. – Отец в порядке. Просто чудо, что обед отложили. Иначе мы все были бы там...

– Мамá в забыты, даже не проснулась. Но что это было, Гег?

– Взрыв! Где-то снизу. Похоже, в караулке.

– Неужели снова бомбисты? Уже в собственном доме?

– Пока не знаю... Нельзя исключать газ...

– Я пойду найду отца...

– Подожди, – Сергей вел себя немного странно, будто что-то не договаривал. – Думаю, ему не до нас. Говорят, погибли караульные. Дадим ему время. Пойдем к Мамá. Будет нехорошо, если она проснется, а рядом никого...

Братья сели по обе стороны кровати. Мария Александровна все еще спала.

– Мне показалось, будто звали какую-то Дусю... Голос, как у отца, когда он вне себя...

– Не знаю, ничего подобного не слышал... – старший брат стал рассматривать свои идеальные ногти. Он делал так, когда хотел дать понять, что тема разговора ему неинтересна или неприятна и лучше бы ее сменить.

– Может быть, приснилось... Мне привиделся такой чудной сон! – Павел в красках пересказал недавнее сновидение Сергею, который только делал вид, что слушает, сам же был погружен в свои никому неведомые думы.

У Павла скребло на душе. Младший брат слишком хорошо знал Сергея, чтобы не уловить его желания обойти некоторые моменты... Но что он скрывал? Неужели отец пострадал? В ту минуту, когда нарастающая тревога юноши уже достигла высшей точки кипения, и он готов был вскочить, чтобы броситься на поиски Императора, тот сам вошел в комнату.

Александр II был цел физически, но не в силах был полностью скрыть жуткое эмоциональное потрясение. Теперь он не мог быть спокоен и чувствовать себя в безопасности даже в стенах собственного дома. Как все это, вообще, могло случиться в Царском дворце? Куда смотрела охрана? Никому нельзя доверять!

– Как она? – тихо справился отец о состоянии супруги.

– Ничего не слышала... Спит, – Павел с облегчением выдохнул, увидев, что Государь жив и здоров. – Что все-таки это было?

– Динамит. Похоже, один из дворцовых плотников натаскал.

– Кто-то пострадал? – уточнил у отца встревоженный Сергей.

– Одиннадцать караульных убито, больше пятидесяти ранено! Императрице это знать не нужно. Пусть ничто не омрачает ее..., – супруг не смог произнести слово «последние». -... часы. Вряд ли всю суету удастся скрыть, поэтому говорите ей, что был случайный взрыв газа. Без жертв! Избавим ее от этих волнений!

Братья были абсолютно согласны с отцом. Незачем было волновать тяжело больную мать.

II

В последнее время Петербург приносил племяннику Марии Александровны, Александру Баттенбергу, сплошные разочарования и несчастья. В конце прошлого года его отвергла богатая невеста, Зинаида Юсупова, теперь этот террористический акт в стенах дворца, в котором они с отцом могли погибнуть, не задержись их поезд. Если причины жуткого взрыва ему по

крайней мере были понятны, то в личном вопросе он терялся. Почему его отвергла княжна, так и осталось для него загадкой. Александр был невероятно хорош собой, принадлежал к знатному роду, хоть брак его родителей был морганатическим, все же он был из королевского дома, пусть даже прилично обнищавшего. Так чем же он не глянулся этой капризнице с заледневшим в стылом Петербурге сердцем?

Младшей сестре Зинаиды тоже не давал покоя этот вопрос.

– Зайдэ, неужели ты и вправду отвергла болгарского князя? Он красив, породист. Разве не об этом мечтает любая барышня? – тринадцатилетняя девочка появилась на пороге спальни старшей сестры в длинной ночной рубашке и, прошлепав голыми пятками по студеному полу, залезла к ней в постель.

– Какая бесцеремонность, Танёк! Где твои манеры? Что бы на это сказал Папá? – заворчала незлобиво Зинаида, отложив в сторону роман Бернарда Шоу «Неразумный брак», который ей прислали из Лондона. – И почему ты босая? Еще не хватало, чтобы ты расхворалась!

– Погрей меня! – Татьяна со смехом сунула окоченевшие ноги в ноги сестры, так что та громко вскрикнула.

– Немедленно убери свои лягушачьи лапки! Или вон из моей постели!

Зинаида изобразила, что пытается выпихнуть сестру из кровати. Таня отчаянно сопротивлялась. Наигравшись и насмеявшись вдоволь, княжны успокоились. Зинаида позвонила в колокольчик.

– Разожгите камин. Протопите наши комнаты хорошенько. На улице мороз, – приказала она слуге.

– Князь изволили гневаться давеча! Сказывали, несметные тыщи в трубу вылетают! Влетит мне!

– Не влетит. Скажешь, я приказала, – строго ответила княжна, закрыв тему.

– Скареден бывает наш папенька, – хихикнула Татьяна, когда за слугой закрылась дверь.

– Уж каков есть. Тебе ли жаловаться? Любая принцесса мечтала бы о таких подарках на Рождество, которые получила ты.

– Не заговаривай мне зубы, Зайдэ! Объясни причину отказа Баттенбергу, иначе я умру от любопытства!

– Слишком явно бросалось в глаза, что мое богатство милее ему, чем я сама. Такое объяснение Вас устроит, княжна?

– Этого не может быть, ведь ты такая красавица! Разве он не умирал от счастья при одной только мысли, что ты можешь стать его женой?

– По-моему, ты немного переоцениваешь роль внешности в привязанности людей друг к другу.

– Тебе с твоими идеальными чертами легко рассуждать об этом!

– Когда вырастешь, ты поймешь, что не все так просто...

– И правда, разве не удивительно, что при твоей поразительной красоте у дверей нашего дома не толпятся «несметные тыщи» женихов, – девочка не удержалась и передразнила слугу, хотя знала, что за это ей может влететь от сестры.

Однако по сути Татьяна сказала правду. Претендентов на руку и сердце Зинаиды Николаевны было не так уж много для наследницы громадного состояния и писаной красавицы с темно-русыми волосами и глубокими, как задумчивые горные озера, глазами. Кандидатов, как правило, отыскивал отец, который мечтал выдать дочь замуж за принца, не иначе. Что до петербургских кавалеров, они в бой не рвались. Что было тому виной, оставалось загадкой. Возможно, мужчин, как это ни парадоксально, отпугивало сказочное богатство невесты – не хотелось прослыть охотниками за деньгами. Кто-то, вероятно, считал, что недостойн такой женщины и нечего соваться. К чему пустые надежды и лишние удары по самолюбию? Некоторые относили Зинаиду к тому типу прекрасных дам, на которых не женятся – ею восхищаются,

обожают издали, как музу. Жить с богиней должно быть очень суетно. К чему так напрягаться, когда вокруг полно милых, уютных барышень?

– Умные женщины отпугивают мужчин, – Зинаида попыталась скрыть свои чувства за саркастической улыбкой. Эта тема все же задевала девушку. – Однако не все в Петербурге законченные труссы...

– Что ты имеешь в виду? – возбудилась Татьяна.

– Ничего, все узнаешь в свое время. Иди спать!

– Ты встретила кого-то на «Комендантском»? Вот отчего ты вернулась вся пунцовая! Теперь я точно не усну! Зайдэ, умоляю, не томи!

– Уж так и пунцовая! Было душно, и я немного покраснела...

– Душно, так душно... Только расскажи! Или ты не доверяешь своей родной сестре? Разве это возможно? Ведь никто в целом мире не желает твоего счастья сильнее, чем я!

– Хорошо... но имей в виду, что это пока страшная тайна!

– Клянусь, из моих уст не вылетит и слова!

– Один кавалергард собирается просить у Папá моей руки...

– Не может быть! Какое счастье! Так вот почему ты отказала Баттенбергу! Ты рада? Я вижу, что рада! Ты его любишь?

– Он мне симпатичен... – если б в комнате было светлее, на нежных щеках Зинаиды, которые бывают лишь у молодых девушек, можно было бы увидеть разгоревшийся румянец. – И даже больше...

– Как это романтично! А он?

– Надеюсь, он чувствует то же самое...

Зинаида не была полностью откровенна с младшей сестрой. В своем пересказе событий она намеренно опустила тот факт, что первая обратила внимание на Сумарокова и его симпатия вспыхнула, скорее, в ответ – о, как неловко! Если б княжна знала тогда, что граф написал после их встречи в дневнике «кажется, ко мне равнодушно», она бы окончательно сгорела со стыда. С другой стороны, не такое уж это было страшное грехопадение для нравов тех лет, особенно принимая во внимание, что барышня славилась серьезным нравом и безупречной репутацией. Гений Пушкина уже даровал миру Татьяну Ларину, которая развязала девушкам руки, и теперь едва ли не каждая барышня норовила взять инициативу на себя. Однако, Зинаида прекрасно отдавала себе отчет, что ее опыт не мог служить хорошим примером младшей сестре, по крайней мере не в том возрасте, когда девочка не знала меры в своих чувствах.

– Как я счастлива за тебя! А мне пока приходится ходить на эти чудовищно скучные детские балы, которые потеряли для меня всякую привлекательность, как только Поль перестал там бывать.

– Опять? – нахмурилась сестра.

– Ой, вырвалось! – Татьяна осеклась. Недавно старшая сестра лишила ее сладкого за фамильярность по отношению к Царской семье. – Обрати внимание, я уже не называю Императрицу Марусей... Я имела в виду, что на балах невыносимо тоскливо, когда там нет Его Императорского Высочества, Павла Александровича.

– Глупышка! Глазом не успеешь моргнуть, как детство кончится, и ты уже будешь барышней на выданье, от которой все будут ждать скорейшего замужества и отличной партии... Знаешь, как это неприятно, отказывать папиным кандидатам и быть постоянной причиной разочарований? Надеюсь, у тебя в этом вопросе все будет более гладко, чем у меня.

Татьяна бросила полный сомнения взгляд на Зинаиду. За последнее время Танек вытянулась и стала выглядеть взрослее, но все же в ней еще оставалась некоторая подростковая нескладность. Как может она быть удачливее, чем ее совершенная сестра? Хотя, в народе говорят, не родись красивой...

– Ты же знаешь, кто у меня в сердце с самого детства, и за кого я хочу замуж! Думаешь, это возможно?

– Я бы не хотела, чтобы ты питала напрасные надежды, Танек. Великие Князья должны жениться на равнородных...

– А как же Баттенберг? И потом, Поль – самый младший! Разве есть хоть один шанс, что он взойдет на престол? Зачем же ему равнородная? Она не будет любить его так, как я!

– Ну какая любовь, Танек? У тебя будет еще множество подобных увлечений...

– Нет, исключено! Решительно невозможно! Вы все думаете, я маленькая и, значит, не могу любить. Но вы не знаете, что творится у меня в душе! Как переполнено мое сердце чувствами, которые скоро начнут выплескиваться через край! Кто может с ним сравниться? Разве ты не видишь, какой он невозможно красивый! Как белый рысак! Я могла бы часами смотреть на его тонкие запястья, на длинные, артистичные пальцы! А его каламиново-голубые глаза с томной поволокой, которую он недавно научился напускать? Разве они не завораживают? Ах, милый Поль! – вдруг загрустила девочка. – Мы так были дружны в детстве... А теперь, мне кажется, он меня сторонится... Я такая нелепая! Еще этот нос! Поль... Великий Князь Павел Александрович, наверное, считает меня уродливой...

– Не выдумывай! Императрица очень больна. Полагаю, ему сейчас не до веселья. Вспомни, каково было нам год назад, когда Мамá умирала...

– Как я могу забыть? Эта боль не уйдет никогда! Знаешь, за его страдания я люблю его еще больше! Как бы мне хотелось его утешить! Может быть, стоит написать ему?

– Нет, не вздумай!

– Почему? Уже полвека, как Татьяна открылась Онегину! Почему же я не могу написать Павлу?

– Потому что это будет неуместно! Жизнь – это не роман! Танек, ты же умница! Тебе всего тринадцать. Куда спешить? Все еще впереди! Своими дикими порывами ты меня расстраиваешь...

– Хорошо, пока этого делать не стану. Ежели позже я все-таки решусь открыться ему, сообщу тебе об этом сию минуту. Так тебе покойней?

– Пожалуй! А теперь пора спать! У меня разболелась от тебя голова! Беги к себе. Там уж натопили.

После смерти матери, Зинаиде пришлось взвалить на свои хрупкие плечи основное бремя воспитания сестры-подростка, которая чувствовала все чересчур остро, словно жила без кожи, цепляясь оголенными нервами о колючие шипы бытия. Тане необходимо было нарастить хотя бы тонкий защитный слой цинизма, иначе она могла сгореть в своих собственных страстях.

III

Серая, нудная зима злоупотребляла российским гостеприимством. Все же ей пришлось уйти, как не упиралась. Наконец, измотанные промозглым унынием петербуржцы могли порадоваться первому пению птиц и яркой зелени новорожденной листвы. И вот уже умытый майскими дождями Петербург засверкал на солнце золотыми куполами церквей.

К маю Монарх с семьей традиционно перебирался в Царское село. Однако, перевозить Марию Александровну было опасно. Состояние ее медленно ухудшалось. Государыня угасала. Александр II некоторое время сомневался, уместно ли покинуть больную супругу и уехать из Петербурга без нее. Мрачная атмосфера Зимнего дворца тяготила его. Когда Император навещал жену, он будто умирал вместе с ней. Молодящийся Царь тут же ощущал свой почтенный возраст и груз прожитых лет. Любовь к жизни и жажда свежего воздуха взяли, в конце концов, верх, и через несколько дней Александр II все же отбыл в Царское, оставив супругу на младших сыновей и пообещав периодически навещать больную.

Павел в очередной раз восхитился самообладанием матери, которая приняла поступок мужа с царским спокойствием, столь свойственным ей и до болезни. Императрица была выше всей мирской суеты, словно она обладала каким-то знанием, которое остальным людям было недоступно при жизни.

Расстроенный отношением отца Павел грустил у кровати Императрицы. Она бодрствовала, полулежа в подушках. В таком положении, ей было немного легче откашливаться. Заметив, что сын подавлен, мать слабо поманила его. Когда он приблизился к ней, она взяла его лицо двумя дрожащими от слабости руками и поцеловала в лоб.

Пряча навернувшиеся слезы, он опустил голову и поцеловал руку матери. Сухая кожа ее напоминала тончайший египетский пергамент. Вторую руку она положила ему на голову, успокаивая и благословляя своего мальчика. Несмотря на то, что жизнь уже почти покинула больное тело, сын чувствовал исходящие от матери тепло и любовь.

Через несколько дней, ранним утром в комнату Великого Князя вошел камердинер.

– Императрица, – горестного выражения его лица было довольно, чтобы понять, что случилось.

Мария Александровна покинула суетный мир спокойно и тихо. Когда к ней утром подошли врачи, казалось, она все еще спит, но дыхания и пульса уже не было.

Павел умом понимал, что мать умирает, но все же так и не смог к этому подготовиться. Его грудь разрывалась от сдерживаемых рыданий. В комнате Марии Александровны он застал Сергея. Тот был так бледен, будто в нем не осталось ни капли крови. Брат стоял на коленях у тела матери, уже накрытого прозрачным тюлем и убранного белыми розами и ландышами. Он молился. Павел опустился рядом. В ту минуту только молитва давала ему некоторое облегчение.

Через час из Царского села прибыл Император. Он не мог сдержать рыданий над телом верной подруги и матери своих детей, которая сейчас лежала бездыханная. Вскоре его начали дергать какими-то записками, вопросами, уточнениями распоряжений, будто не могли государственные дела и организация похорон немного подождать.

Съехались старшие братья с семьями. Комната заполнилась людьми и тихим плачем.

В день погребения Императрицы природа взбунтовалась. Когда гроб с телом Марии Александровны несли к Петропавловскому собору, на процессию со страшной яростью обрушился ураган. Словно в приступе безумной ревности ветер хотел вырвать усопшую и унести подальше от всех, кто тоже ее любил. Павел переживал за отца. Хоть тот и не собирался сдаваться перед стихией и оставлять гроб на плечах сыновей, было заметно, с каким трудом ему давался каждый шаг под этой печальной ношей. Возраст давал о себе знать.

Вдруг, глядя на ссутулившуюся спину Александра II, Павел очень живо представил себе картину похорон Императора. Он тряхнул головой, стараясь отогнать от себя жуткий, пугающий образ. Это было бы слишком жестоко, лишить его сразу и матери, и отца. Страшно было даже думать об этом.

IV

После похорон Императрицы младшие сыновья переехали из Зимнего дворца, казавшимся теперь мрачным и неудобным, в Царское село. Оставив почерневший от траурных флагов и драпировок Петербург, они были рады свежему воздуху. Однако в загородной резиденции, где когда-то было пережито столько счастливых мгновений, все напоминало о Марии Александровне. Горе захлестнуло Великих Князей с новой силой.

Кроме того, Павел не мог отделаться от ощущения, будто что-то неладное происходит в семье. Цесаревич Александр уже какое-то время едва разговаривал с отцом. Павел попытался выяснить у Сергея, какая кошка пробежала между ними, но тот, не ответив толком, поспешно сменил тему. Все это было очень странно и тревожно. Когда семья собиралась, воздух настолько был наэлектризован, что вот-вот готова была разразиться гроза. Единственное,

что хоть как-то отвлекало младшего сына Государя от душевных мук, это подготовка к вступительным экзаменам в Академию Генерального штаба.

Как-то Павел хотел испросить у отца разрешения съездить на смотр кавалерийского полка, но к своему удивлению застал Государя под дверьми собственного кабинета. Император, бледный и взволнованный, согнувшись, прислушивался к повышенным голосам, доносящимся из комнаты, и нервно крутил в руках какие-то бумаги. Павел отчетливо расслышал возмущенные нотки министра двора, Александра Адлерберга. Он спорил с какой-то женщиной, но ее голос Великий Князь не распознал. Тем страннее была ситуация.

Павел откашлялся, чтобы привлечь внимание отца.

Император, увидев младшего сына, зашикал и замахал на него руками, жестами показывая, чтобы он немедленно удалился. Молодой человек быстро ретировался. Он был немало обескуражен странной сценой, абсолютно выбивающейся из дворцового этикета.

Несмотря на то, что Великий Князь слыл замкнутым юношей, ему необходимо было с кем-то поделиться увиденным. Он отправился к Сергею. После смерти матери, к которой оба были сильно привязаны, младшие Царевичи, которые росли вместе, сблизились еще больше. Павел нашел брата за сочинением ответа бывшей фрейлине Марии Александровны. Сергей часто зачитывал Павлу ее утешающие и разделяющие их скорбь послания. Старший брат, предоставленный сам себе, пока Павел был загружен подготовкой к экзаменам, пытался найти облегчение в общении с теми, кто любил мать и также тосковал по ней.

– Ты не поверишь, я сейчас стал свидетелем совершенно комичной мизансцены... Отец подслушивал бурное выяснение отношений, которое происходило в его собственном кабинете. Мне показалось, там был Адлерберг с какой-то дамой... Что бы это могло значить? Мне в голову не приходит никакого мало-мальски стройного объяснения.

– Весьма странно... Не переживай, я уверен, ничего серьезного. Наверное, какие-то церемониальные споры... В любом случае, это не наше дело, – когда Сергею не хотелось о чем-то говорить, он принимал отстраненный, даже равнодушный вид, который многие принимали за высокомерие. Младший брат знал Сергея слишком хорошо, чтобы брать эту напускную холодность на свой счет.

– Меня поразил отец... Император Всероссийский, как выгнанный на улицу шенок, крутится под дверью, не решаясь войти... – Павел сам сконфузился от своих слов, лишенных обычного пиетета перед Государем, и от того, что впервые в жизни он испытывал стыд за отца. Тут же раскаявшись в подобной дерзости, он прикусил язык. – Ты прав, это не наше дело...

Только тогда он обратил внимание, что у брата, который всегда славился аристократической бледностью, во всю щеку разлился румянец, а в глазах блеснул лихорадочный огонек. Молодой человек испугался, что это реакция на его слова. Еще не хватало рассориться с самым родным человеком.

– Пойду займусь военным уставом... – заторопился прочь Павел.

Ночью Великий Князь был разбужен суетой в соседних комнатах. Он выглянул из спальни и обнаружил, что к Сергею был вызван врач. Подорванный скорбью организм ослаб. Брат где-то подхватил корь.

Больного переселили в дальние покои, чтобы он не заразил младшего брата. Но данная мера оказалась запоздавшей. Павел тоже вскоре заболел и был отправлен на карантин к Сергею. К счастью, корь у Царевичей протекала в легкой форме, и вскоре они смогли выходить.

Отец навещал расхворавшихся сыновей ежедневно. Он был заботлив и добр. Павлу стало казаться, что та нелепая сцена у кабинета Государя была лишь плодом его воспаленного из-за начинающейся болезни воображения, а немного позже он и вовсе забыл о ней. Когда Великие Князья совершенно поправились, их оставили в дальних покоях по настоянию Александра II, который решил, что братьям там просторнее.

Неожиданно для младших сыновей, Наследник, который обычно жил летом в Царском селе, переехал с семьей в Петергоф.

V

Томным июльским днем две юные особы прогуливались по тенистым аллеям Летнего сада. Пятнадцатилетняя Ольга Карнович уговорила старшую сестру, которая была уже важной замужней дамой, супругой камергера двора, составить ей компанию в послеобеденном променаде.

Десятилетняя разница в возрасте не так бросалась в глаза, как кровное родство девушек, поскольку обе были довольно точной копией своей матери, носившей в девичестве фамилию Мессарош, выдающую мажарские или бессарабские корни. От матушки дочерям достались прелестные черты лица и огромные, дразнящие собеседника бархатом темного шоколада, глаза.

– Как думаешь, можем мы сейчас столкнуться с Государем? – вдруг озадачила сестру младшая Лёля.

– Сомневаюсь. Императорская семья летом живет в Царском. А ежели б он и появился, мы бы к нему не подошлись. После покушения в шестьдесят шестом он не гуляет здесь без охраны.

– Жаль... А ты знала, что в этом самом саду Государь встретил Долгорукую? – Лёля без умолку трещала, удивляя старшую сестру непосредственностью, граничащей с отсутствием манер. Девочка, которая два с половиной года проучилась в Смольном институте благородных девиц, должна была бы иметь более четкое представление об этикете.

– Будь любезна, говори тише! Тебя, должно быть, слышно в Мраморном дворце! – старшей сестре не нравилась тема разговора, поскольку она считала, что Ольга еще мала для светских сплетен. – Зря отец согласился забрать тебя из Смольного. Еще несколько лет пансиона не повредили бы твоему воспитанию.

Но девочка будто и не замечала недовольства сестры.

– Любаша, ты только представь – она была обычной ученицей Смольного, как и я, носила форму, жила в дортуаре, и вдруг повстречала здесь Императора, который потерял от нее голову! Разве это не чудо? – Леля поправила шляпку-канотье и перебросила длинную, темную косу с бантом цвета блё-д-амур через плечо. – Вдруг Господу будет угодно, и мы сейчас тоже столкнемся с Царем? Думаешь, я могла бы ему понравиться? Отчего-то мне кажется, что он не прошел бы мимо... Я тоже брюнетка с темными глазами. Полагаю, я даже красивее, чем эта Долгорукая!

– Что за чепуха у тебя в голове? Императору седьмой десяток! Потом ты, верно, забыла, но недавно похоронили Императрицу, и Государь сейчас в трауре... Кстати, когда он встретил Екатерину Михайловну, он был женат... Поэтому вряд ли княжна – достойный образчик для молодой, порядочной барышни.

Лёля на секунду замерла. О моральном аспекте царского адюльтера она даже не задумывалась.

– А теперь он женится на княжне?

– С чего ты это взяла? – Любовь Валериановна хотела бы оградить свою младшую сестру от всех этих деталей. В столь юном возрасте порой трудно отличить добро от зла и, кроме того, можно легко нажать себе неприятности, ляпнув что-то неуместное в обществе.

– Я видела июньский номер «Causerie», где было написано, что после траура Царь намерен жениться на княжне Долгорукой... Да об этом судачит весь свет...

– Давай не будем опускаться до досужих сплетен. Это никого не красит...

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась Лёля. – Ты права, Царь действительно слишком стар для меня. Лучше бы встретить одного из его молодых, неженатых сыновей.

– Что на тебя нашло сегодня?

Младшая сестра весело, по-детски расхохоталась. Любовь Валериановна подумала, что нужно поговорить с матерью. Сестренка выросла, как бы не натворила чего в романтическом запале.

– Любаша, расскажи про твою встречу с Достоевским! – резко сменила тему Лёля.

– Я уже столько раз тебе рассказывала. Ты, небось, наизусть знаешь.

– Ну еще разочек!

– Право, Лёля, это уже становится невыносимо...

– Не сердись! Ты же моя любимая сестра!

– Я твоя единственная сестра.

– Тем более, мы должны быть более близки, как единственные девушки в окружении братьев. И, знаешь, если б у меня было сто сестер, ты все равно была бы самая любимая!

– Ох и лисица!

– Умоляю! Я обожаю эту историю!

– Хорошо, – сдалась Любовь Валериановна. Более, чем непосредственность сестренки, ее поражало умение той добиться своего. – Это было в тот год, когда ты поступила в Смольный пансион. Мне посоветовали лечение стуженным воздухом в петербургской клинике Симонова. Два часа нужно было сидеть под колоколом с герметически закрытой дверью. Чтобы как-то отвлечься от волнения, до того момента у меня не было опыта заточения в колокол, я на первом сеансе стала разглядывать всех находящихся там пациентов и заметила с правой стороны человека с восковым лицом. Вид у него был крайне болезненный. Он увлеченно читал "Русский вестник" и не обращал ни на кого внимания. Когда закрывшаяся дверь замуровала нас внутри колокола, этот сосед справа не без иронии предупредил меня, что у него бывают приступы эпилепсии, и он переживает за меня, поскольку ему говорили, что у меня плохие нервы. На это я ответила, что обо мне беспокоиться не стоит, лучше пусть скажет, как ему помочь, ежели с ним случится припадок. Тогда он посмотрел на меня совершенно другими глазами. Мы разговорились и не заметили, как пролетел сеанс. Договорились встретиться на следующий день. Похоже, ему было интересно со мной, потому что мы очень много и оживленно говорили. Он умно шутил, так что все слушали его. Даже доктор. Лишь на втором сеансе я узнала его имя и испугалась. Вдруг я сказала что-то не то или выглядела глупо. Мы встречались под колоколом ежедневно. Он перестал приносить книгу, а я перестала бояться. Потом он стал приезжать ко мне пить чай. Когда он где-нибудь читал, я непременно должна была ехать туда и сидеть в первом ряду... Он настойчиво просил, чтобы я познакомила его с родителями. Якобы, это важно для познания меня. На следующий год он уехал лечиться в Эмс. Мы переписывались еще какое-то время...

– Как это трогательно! Нет никаких сомнения, он был в тебя влюблен!

– С меня довольно! Я отказываюсь слушать твой сегодняшний любовный бред! Вон и тучи собираются, пойдем домой, – прекрасные глаза сестры на мгновение стали еще темнее, то ли от гнева, то ли от тревожащих душу воспоминаний.

VI

После полудня воспитатель Великого Князя Павла Александровича, который в то же время был и попечителем Сергея, появился на пороге их покоев в радостном возбуждении. Арсеньев сообщил братьям, что выхлопотал для них у Императора поездку в Италию на осень и зиму.

– Как Вам удалось убедить отца, Дмитрий Сергеевич? – Павел был несказанно счастлив уехать на время в теплые края из осиротевшего без матери дома и города: – Гег, неужто, наконец, исполнится наша мечта!

– Никаких хитростей, Ваше Высочество. Я сообщил Государю о рекомендации Боткина – после перенесенной Вами кори и ввиду общей слабости груди поездка в Средиземноморский климат была бы в высшей степени уместна, – Арсеньев был горд, что смог организовать

младшим детям Государя эту поездку, и на то была еще одна тайная причина помимо здоровья Павла. Однако воспитателю приходилось держать язык за зубами до поры до времени.

– Это настоящая милость Господня! Я, наконец, смогу заняться итальянским и практиковать его! – старший брат тоже ликовал. Это путешествие было, как манна небесная. Оно должно было вырвать их с братом из засасывающего омута невыносимой скорби.

– Всецело поддерживаю Ваши намерения, Ваше Высочество! – подхватил Арсеньев. Домочадцы особенно переживали за Сергея, который наиболее тяжело переносил смерть обожаемой матери.

Оставшийся вечер взволнованная троица провела в составлении планов итальянского приключения, которые были один умопомрачительнее другого.

Теперь братья жили ожиданием восхитительного путешествия, что несколько отвлекало их от тоски о почившей матери. И все же даже это радостное предвосхищение не могло полностью вылечить еще кровоточащие душевные раны.

Волны грусти с особой силой накрывали по праздникам. Как ни старался Сергей Александрович порадовать брата на его совершеннолетие в сентябре, устроив в канун дня рождения традиционный стол с подарками, в центре которого возвышался песочный торт в виде башни, все же у Павла разрывалось сердце от того, что впервые матери не было рядом. Никакие золотые портсигары, запонки с рубинами и бриллиантами, перстни с камнями из любимого браслета Марии Александровны, который унаследовал Сергей Александрович, не могли по-настоящему отвлечь от печальных мыслей именинника. За праздничным ужином оба брата были удручены и молчаливы.

До дня рождения Павла, пока тот готовился к экзаменам, Сергей успел съездить к сестре за границу. Казалось, с Мари и племянниками ему удалось немного развеяться. Особенно забавляла его смешная и активная Даки, которой шел четвертый год. Но теперь, вернувшись в места, где все напоминало о матери, он стал еще более грустным и замкнутым. С уходом Марии Александровны, жизнь его, которая последнее время была посвящена заботам об Императрице, будто утратила всякий смысл. Он перенес всю свою опеку на младшего брата и все же это не могло быть полноценной заменой.

К началу октября Павел сдал все экзамены. Последним Великий Князь отстрелялся по фортификации. Теперь со спокойной совестью можно было отправляться в дальние страны.

И вот настал долгожданный день отъезда. Великие Князья отправились со своей небольшой свитой на чугунку, где их ждали приготовленные для путешествия вагоны. Вскоре за окнами замелькали осенние пейзажи, оставляя позади промозглый город, где больше не было материнского тепла. Впереди была солнечная Италия!

VII

Настроение Великих Князей улучшалось с каждым километром, отдаляющим их от места, где они испытывали столько боли. За окном проносились леса, пышно облаченные в бордо и золото по канонам самого пышного стиля – барокко, столь обожаемого октябрем. Природа, ощущая смертельное дыхание зимы, хотела продемонстрировать напоследок все буйное богатство, как империя, которая утопает в роскоши и пресыщении на пороге своей гибели.

– Ты обратил внимание, как повеселел Арсеньев? – наблюдательность Павла и его способность улавливать тончайшие перемены настроения не раз впечатляли старшего брата. – Будто у него гора свалилась с плеч.

– Это было нелегкое время для всех нас...

– Не то... ты не хочешь меня слушать, верно думаешь, это все глупости, но я чувствую, в нашем доме, в семье происходит что-то худое...

– Каждый по-своему переживает боль... К тому же ситуация с покушениями на отца и других государственных деятелей остается критической. Это не может не создавать напряжения.

– Ты считаешь, это причина холодности между Сашей и отцом?

– Они могли не сойтись в мерах, которые следует предпринимать, чтобы прекратить безобразия и терроризм. Мне думается, Саша хотел бы более жесткого подхода. И я с ним согласен! Я мог бы простить человеку даже самый дурной поступок, такой, из-за которого от него все бы отвернулись, но вот политическое преступление не оправдал бы никогда. За революционные мнения и действия я бы тотчас прервал всякое с ним общение.

Павел кивал, не заметив, как ловко его увели от сомнений по поводу дел семейных к другой теме, которая никого тогда не оставляла равнодушным. Как и братья, ежедневно беспокоясь за жизнь отца, да и свою собственную, младший сын Императора полагал, что нужны более решительные меры.

Через два дня приятного путешествия Великие Князья прибыли в Берлин, где их встретил брат, Алексей Александрович. И снова Павлу показалось, что старшие братья обменялись многозначительными взглядами, будто между ними была какая-то тайна. В этот раз ему некогда было долго рассуждать на тревожащую его тему, поскольку после посещения старого Императора Германского, который как всегда был добр и дружелюбен с Великими Князьями, они с Сергеем сразу отправились в путь.

Вскоре путешественники прибыли в прекрасную Флоренцию. С первого же дня ласковое солнце Тосканы приголубило измученных страданиями путешественников. От всей красоты, обрушившейся на них, у Царевичей перехватило дух. Ошеломленные шедеврами искусства и архитектуры, небольшими поездками в сказочную Венецию и город падающей башни Пизу, братья по-настоящему отвлеклись от горестных дум. Сколько удовольствия было в прогулках инкогнито по узким улицам Флоренции, облюбованной герцогами Медичи, по мосту Понте-Веккьо, по галерее Уффици, в покупках антиквариата в крошечных лавках, в посиделках в кафе, бок о бок с обычными горожанами, наслаждаясь знаменитым джелатто. Лишь однажды Сергей снова приобрел озадаченный и расстроенный вид. Павел знал, что тот получил весточку от Цесаревича Александра и его супруги Минни. Павел попытался выяснить, в чем дело, но как обычно, старший брат элегантно ушел от ответа. Скоро восхищение гениальными произведениями искусств вновь вытеснило печальные мысли из головы Сергея.

Воспитатель Арсеньев невероятно гордился своими подопечными. До этого ни один Царевич так не очаровывал итальянское общество. И это при том, что, будучи в трауре, Их Высочества не посещали ни балов, ни театров, ни каких других увеселительных мероприятий. С самого начала путешествия сыновьями Императора был установлен простой образ жизни, без дворцовых формальностей и церемоний. Братья много времени проводили со свитой, состоящей из близких и приятных Великим Князьям людей, которые сопровождали их на все осмотры достопримечательностей и экскурсии, таким образом, также имея удовольствие лицезреть бесценные шедевры итальянского искусства. В благостном расположении духа молодые люди пробыли во Флоренции до середины декабря.

Переехав в Рим, Великие Князья первым делом поклонились христианским святыням. В свободное от осмотра древних реликвий и достопримечательностей время, Сергей стал брать уроки итальянского языка, а Павел занялся вокалом. Бархатным, полным баритоном он завораживал всех слушателей без исключения.

В Сочельник и Рождество грусть по матери вновь напомнила о себе. Сергей пытался смягчить страдания младшего брата устройством для того елки, что послужило неким утешением и для него самого. Государь передал сыновьям множество драгоценных подарков, но более всего Великие Князья обрадовались соленым огурцам и икре, привезенными фельдъегерем.

Праздники скоро закончились и, казалось, пребывание в Риме могло быть продолжено в более радужном настроении. Никто не догадывался, что это затишье перед бурей, и вскоре беззаботное и спокойное времяпрепровождение будет испорчено несколькими сообщениями из дома.

VIII

В канун Нового года братья были приняты Папой Римским, которого они обаяли своим умом и воспитанием. Симпатии были взаимны. Лев XIII, возглавивший Католическую Церковь в непростой период краха папского абсолютизма, поразил молодых людей своим тактом и приветливостью, которые он сумел сохранить в столь сложных обстоятельствах. Павел долго не мог забыть глаза Папы, полные глубинных знаний и мудрости.

Погода в начале января испортилась. Было довольно неуютно прогуливаться под кипарисами, которые своими кронами не могли спасти от противной мороси. Неудивительно, что Павел Александрович простыл. Несколько дней у него был небольшой жар.

Арсеньев зашел навестить его. Пока воспитатель справлялся о состоянии больного, Великий Князь рассматривал старика. Гнетущая гора, которую тот скинул, уезжая из Петербурга, снова вернулась на его плечи. Он вновь как-то ссутулился.

– Что случилось, Дмитрий Сергеевич? На Вас лица нет, – спросил Павел и закашлялся.

– Переживаю за Ваше здоровье, Ваше Высочество! Я взял на себя ответственность отвезти Вас в Италию для укрепления оногo, да не уследил... Вишь, как Вы разболелись...

– И это все? – Царевич сомневался, что это единственная причина.

– Разве что-то может быть важнее этого? Поправляйтесь скорее, Бога ради!

Уверения воспитателя не показались Павлу убедительными. По крайней мере, не полностью. Сомнения все еще терзали его душу. Ночью, когда температура полезла вверх, у Царевича случился приступ паники. Он вдруг явственно ощутил, что какая-то страшная беда уже рядом. Спокойствие и умиротворение, которых они с братом так жаждали и которые были столь хрупки, вот-вот должны были рухнуть. Павлу стало тяжело дышать. Сердце запрыгало в груди. Он уже готов был звать кого-то на помощь, как вдруг на лбу выступила испарина, и ему стало лучше. Он ощутил жуткую усталость и заснул глубоким сном. Утром Павел проснулся без жара.

Когда Павел совершенно поправился, перед завтраком к нему в комнату вошел Сергей.

– Мне нужно сообщить тебе что-то важное, – начал брат, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче.

Павел сразу понял, что настал тот самый момент, которого он боялся. Невольно он опустился в кресло.

Сергей смотрел на серый дождь за окном, и лицо его было мрачнее пасмурного римского неба.

– Не мучай! Говори скорее! – еще секунда проволоочки и у Павла остановилось бы сердце. Известно, что ожидание беды порой страшнее самого несчастья.

– Арсеньев получил письмо от отца, в котором тот просит известить нас о своей женитьбе.

– Я не понимаю... Он хочет жениться? После окончания траура?

– Венчание уже состоялось...

– Как? Этого не может быть! Это же против всех правил!

Сергей лишь пожал плечами.

– И когда?

– Через сорок дней после смерти Мама́...

– Нет! Я не верю! Это какая-то злая шутка!

Старший брат удрученно молчал.

– Гег, это не может быть правдой! Отца оклеветали! Я не верю, что он сам написал это! Это подделка!

– К несчастью, это правда...

Павел вскочил и заметался по комнате. Вдруг он остановился и повернулся к брату.

– Ты знал! Вот что означали все эти косые взгляды, недомолвки! Как ты мог!

– Я хотел защитить тебя! Уберечь от боли, которую испытывал сам...

– Я же столько раз у тебя спрашивал, ты мог бы меня подготовить... Ты понимаешь, что я сейчас чувствую? Мне будто вонзили нож в сердце! Нет, у меня вырвали сердце... Ты даже не представляешь, какую боль я сейчас испытываю!

– Пиц, я искренне полагал, что так будет лучше! В конце концов, отец мог оставить свое увлечение в тайне. Мало ли у него или его братьев было фавориток. Тебя разве волнуют танцовщицы дяди Николая и дяди Кости? Тогда к чему было тебя расстраивать отцовским адюльтером? О том, что они венчались, я узнал из письма Саши уже в Италии....

– Кто эта змея?

– Княжна Долгорукая... Екатерина Михайловна.

– О Боже! Ей тридцать-то есть? Да и не ровня она нам! Бастарды?

– Мальчик и две девочки...

– Что-то мне не хорошо, – Павел побледнел и снова упал в кресло. Тошнота подкатывала к горлу.

Сергей подошел к нему, пощупал лоб и взял кисть в руку, чтобы измерить пульс. Старший брат демонстрировал поразительное самообладание. Даже если внутри klokотали эмоции, он сохранял внешнее спокойствие. Сергей не мог дать волю своим чувствам, поскольку тогда он не смог бы успокоить Пица. А это было самым важным для него.

– Я понимаю, это жуткое известие, и ты расстроен, но все же постарайся успокоиться... Я позвоню, чтоб принесли горячего чаю.

– И что теперь? Что нам со всем этим делать?

– Мы должны признать морганатическую супругу отца... Я сказал, что поступлю, как братья. Арсеньев уверяет, что Цесаревич и остальные этот странный брак Государя уже признали, о чем ему сообщили лично. От нас же ждут, что мы подтвердим это письменно.

– Никогда я не признаю эту порочную связь и не прощу отвратительный поступок отцу! Он издевается над нами, над маминой памятью! Он обезумел, не иначе, ежели требует этого! Им крутит эта гадкая интриганка!

IX

Сергей решил оставить брата на какое-то время в покое. Нелегко сразу принять такую новость. Кроме того, сам Сергей пока отказывался что-либо писать отцу. Арсеньев начинал разговор несколько раз, но всякий раз он заканчивался ничем. Великий Князь искренне не понимал, что от него хотят. Он и так уже наступил на горло всем своим чувствам и подтвердил, что примет брак, столь отвратительный его сердцу, если братья поступят так же. Зачем им непременно нужно его письмо по этому поводу?

В тот день Павел из своей комнаты не выходил. Молодому человеку было не до вечного города и его достопримечательностей. Он не желал никого видеть. В нем яростно кипели возмущение и злость! Ему хотелось высказать все в лицо отцу! Царевич придумывал колкие фразы, которые, как ему казалось, наиболее сильно задела бы Александра II. Он представлял, как тот понимает, что натворил, и раскаивается в содеянном. Потом вдруг он думал, что отец, напротив, рассердился бы на него. Не может быть, чтобы Император не отдавал себе отчет в том, что делал. Эта связь длилась слишком долго, чтобы списать все на простую ошибку или временное наваждение. Самое страшное, что больная мать могла догадываться о предательстве супруга. Как же она должно быть страдала!

Постепенно кусочки мозаики из разрозненных воспоминаний складывались в общую картину. Вспомнилась сцена у кабинета, где Государь подслушивал ссору между Адлербергом и какой-то женщиной. Так это была, скорее всего, Долгорукая! Кому бы еще позволил Император скандалить в собственном кабинете? Что она требовала тогда? В памяти всплывали косые взгляды братьев, как быстро они меняли темы, когда Павел пытался выяснить, что происходит. Великий Князь, порывшись в дальних уголках памяти, вдруг вытащил оттуда кусок фразы

Марии Павловны, супруги старшего брата Владимира Александровича, брошенный ею в крайнем негодовании: «Я напишу принцу Гессенскому! Невозможно предсказать, куда это всё приведёт... Всякое наше чувство, всякая священная для нас память просто топчется ногами, не щадится ничего...». Михен осеклась, как только увидела младшего сына Государя рядом, а муж бросил на нее грозный взгляд. Тогда Павел не понял, что Великая Княгиня имела в виду. Но теперь у него не было никаких сомнений, что супруга брата говорила об этой затянувшейся и переходящей все грани интрижке свекра-Императора. Он вспомнил, как дергали отца, когда прощались с Марией Александровной. Наверняка, эта дамочка добивалась немедленного венчания. Дуся! Так все-таки это был голос Папá во время взрыва в Зимнем. Неужели сердце Государя болело ни об умирающей супруге, ни о законных детях, а о нахальной авантюристке? Вот откуда холодность между отцом и Сашей. Чего же стоило Цесаревичу теперь признать этот брак? Страшно представить, как он мучился.

Гнев застил Пицу глаза и заставил на время забыть об отцовской заботе и любви, на которые тот никогда не скупился. Не вспомнил тогда сын, как сильно Александр II сдал в последний год жизни Марии Александровны, как будто болезнь супруги забирала остатки и его жизненных сил.

Павлу было так плохо, как не было даже после смерти матери. Его душу будто рвали на мелкие куски. Помимо обиды за мать, он и себя теперь чувствовал нелюбимым и никому не нужным. Царевич привык, что всегда был младшим сыном, и хоть шансов на престол у него практически не было, зато в качестве компенсации он получал большую порцию внимания от всех членов семьи. А теперь есть какие-то другие младшие дети.

Боль от предательства близкого человека была так сильна, что Павел не смог сдержать слез. Он разрыдался, как ребенок.

Молодой человек рано лег спать, без ужина. Свита считала, что Царевич еще не поправился окончательно, поэтому никто не удивился добровольному затворничеству юноши.

Казалось, что из-за новостей и переживаний, уснуть будет сложно. Но после недавней болезни и рыданий, Павел чувствовал жуткую слабость, поэтому, как только голова его коснулась подушки, он немедленно провалился в сон. Единственное, о чем он успел подумать, ложась в кровать, он ни за что не признает новый противный ему брак отца, пусть хоть режут его.

Х

Утром Павел вышел к завтраку, как ни в чем не бывало. Он должен был держать лицо перед свитой. В течение дня, будучи в окружении людей, братья не касались болезненной темы. После ужина Павел постучался в дверь комнаты Сергея. Открыв, тот обнял младшего брата и затем увлек его в помещение, чтобы никто не мог услышать их разговор.

– Так что же, Арсеньев утверждает, что братья признали этот проклятый брак?

– В сущности, у них... у нас нет выбора... Мы не можем подвергать сомнению поступки Монарха. Это могло бы быть расценено, как измена...

– Измена в нем самом!

– В тебе сейчас говорят чувства, а не рассудок. И это моя вина. Каюсь! Для тебя это полный шок, в то время как мы с братьями знали уже давно о существовании этой связи...

– Неужели и Саша с этим смирился?

Сергей молчал, лишь развел руками.

– И Володя с Михен? Я слышал краем уха, как она грозилась написать принцу Гессенскому..., – Павел закрыл лицо руками. – Боже, какой стыд на весь мир!

Своим молчанием Сергей подтверждал предположения младшего брата.

– И Алёша? Ему ведь сломали жизнь, не дав жениться на Жуковской... Как же отец может теперь так цинично с ним поступить?

И последний вопрос был риторическим, поскольку его невозможно было задать тому единственному человеку, который мог бы на него ответить.

– Я хочу знать подробности! – не унимался Павел.

– Какие?

– Как они венчались? Планируют ли коронацию?

– Венчались тайно, в Царском, в Екатерининском дворце...

– Когда мы переболели корью... Вот почему он оставил нас в дальних покоях... Какое вероломство!

– О коронации мне ничего не известно...

Павел с сомнением посмотрел на брата.

– Чистая правда! – Сергей положил руку на сердце, подтверждая свою искренность.

– Мама знала о Долгорукой?

– Мы никогда с ней не говорили, но должно быть она догадывалась...

– Как с этим жить теперь? – Павел тяжело опустил в кресло. Слезы стояли в его глазах, своей формой напоминающих морскую раковину.

– Мне помогает, когда я думаю о Мама... Что бы она сделала? Как повела бы себя? Я уверен, она положила бы на волю Господа, ибо мы своим скудным умом не можем понять его замыслов. Поверь, внутри меня идет такая же борьба. Тяжелая, невыносимая... И страшно думать, что дальше, и как мы будем жить с семьей отца, когда вернемся... Но нужно помнить свой долг! И Господь нас не оставит!

Сергей старался говорить тихо, почти без эмоций. Его голос обволакивал младшего брата и тушил пожар злых страстей, пылающий у того в груди. Павел знал, как страдает старший брат, как беззаветно он любил их мать и как был ей предан. Понимал, как тяжело брату, который бывал довольно резок, держать в узде свои эмоции. Если Сергей пытался смириться и поступить, как того требует долг, значит и ему следовало сделать так же.

Они еще немного посидели, поговорили о своей горькой участи, но уже без слез и повышенных тонов.

XI

К своему удовлетворению Арсеньев замечал изменения в настроении Великих Князей, злость которых сменилась грустью и печалью. Однако воспитатель не мог полностью успокоиться, поскольку Государь прислал очередную телеграмму, где спрашивался, исполнил ли Арсеньев его повеление. Меньше всего Дмитрию Сергеевичу хотелось писать о реальном положении вещей и вызвать отцовский гнев на головы своих чад. Он понимал, что принятие таких вестей требует времени, поэтому тянул с ответом Императору. С другой стороны, он не мог вечно игнорировать Монарха, поэтому ему срочно нужно было убедить Царевичей написать отцу.

Очень кстати случилась поездка в Неаполь, где на излечении проживала супруга Великого Князя Николая Николаевича Старшего с сыновьями. Пока Сергей и Павел общались со своими кузенами, которые сделали им небольшую экскурсию по городу и свозили на Везувий, Арсеньев взял в оборот мать семейства. Он просил ее повлиять на племянников. Александра Петровна была плоха, у нее после аварии с экипажем отнялась одна рука. В этом состоянии ей не хотелось вмешиваться в столь щекотливое дело. Кроме того, существовала еще одна, личная, причина. Муж когда-то давно выгнал ее, оклеветав, из дома и уже много лет открыто жил с балериной Числовой. Учитывая это обстоятельство, тетя Саша старалась держаться подальше от разговоров на подобные темы. Однако Арсеньев нашел правильные слова, подчеркнув, что тем самым она бы порадовала Государя, который взял на себя все расходы по содержанию Великой Княгини, и в конце концов она согласилась убедить племянников написать Царю.

Со своей задачей Александра Петровна справилась превосходно, призвав на помощь столь свойственное ей блестящее остроумие, и уже на следующий день Сергей с Павлом явились к Дмитрию Сергеевичу в другом настроении.

– Мы готовы написать отцу, но решительно не знаем, как составить данное письмо. Мы были бы очень благодарны, если бы Вы оказали нам любезность и составили черновик... – выразил совместное пожелание Сергей.

– Это очень благоразумно! Что до черновика, это довольно непростое и щекотливое поручение... Однако я постараюсь набросать несколько почтительных, но сдержанных выражений...

– Не хотелось бы, чтобы у Государя сложилось впечатление, что мы рады данному событию, – подчеркнул Павел.

– Ни в коме случае, Ваше Высочество. И в то же время, Государь должен быть заверен в вашей преданности и понимании долга... Напишу, что вы с детства привыкли подчиняться любой его воле, теперь также подчиняетесь и этому обстоятельству...

К вечеру черновики были готовы. В целом, братья остались ими довольны, насколько это было возможно, учитывая все произошедшее, и взялись за переписку. Закончив свое послание, Сергей отправился в кабинет к Павлу, узнать, как обстоят дела у брата. Вдруг тому нужна помощь или поддержка.

– Я уже все написал, – сообщил Павел. – Сейчас допишу ответ Юсуповой и выпьем с тобой по бокалу вина перед сном.

Сергей отошел к окну, откуда открывался великолепный вид на город. Рим лежал у ног Великих Князей.

– Что пишет Зинаида Николаевна?

– Это не от нее. От Татьяны.

– Как мило! Сколько ей? Четырнадцать-пятнадцать? Она так всегда на тебя смотрит, Пиц. Глаз не сводит. По-моему, она в тебя влюблена...

– Она еще ребенок, хоть и выглядит взрослой! К тому же ее сестра кажется мне более привлекательной...

– Ты же знаешь, из гадких утят вырастают восхитительные лебеди...

– Пусть себе растет. В любом случае в моем сердце сейчас нет места для всей этой романтической чепухи, там лишь грусть и скорбь.

Павел закончил и встал из-за стола.

На следующий же день письма сыновей были отправлены Императору.

XII

Татьяна, получив ответ от Великого Князя, помчалась к себе наверх, едва не сшибая с ног прислугу, так ей хотелось скорее прочесть строки от Поля. Зинаида дала ей полчаса и затем поднялась в комнату девочки. Та лежала на кровати, уткнувшись носом в подушку.

Когда Танёк заявила, что она окончательно решила написать сыну Императора слова поддержки, Зинаида Николаевна согласилась при одном условии – это письмо старшая сестра прочтет сразу же по написании и, если найдет в нем места, требующие исправления, Татьяна внесет изменения немедленно. Об отправке послания без согласования с Зинаидой даже речи не могло идти.

– Поздравляю! Я думала, Его Высочество даже не сочтет нужным отвечать на письмо... Что он пишет?

– Ничего особенного. Формальная благодарность, пустая отписка, – пока Таня ждала ответ, успела себе нафантазировать, что могло бы быть в строках Поля. Не увидев в письме ничего даже близко напоминающего какую-то симпатию, девочка расстроилась.

– Чего же ты хотела, Танек? На их несчастные головы послано новое испытание! Разве ему сейчас до этих глупостей?

– Да, это ужасно! Не знаю, как бы я пережила, ежели б наш папенька женился... еще и сразу после похорон...

– Знала бы ты, что творится в свете. Все только об этом и говорят. Государя осуждают и предрекают ему страшную кару за попрание Божьих и людских законов. Представь только, что чувствуют бедные сыновья... – поделилась старшая сестра. – Давай-ка утри слезы...

Зинаида подняла сестренку и обняла ее.

– Хорошо. Ты права. Сейчас просто не время...

– Вот и умница!

– И нет худа без добра! – улыбнулась Таня покрасневшими глазами и шмыгнула распухшим носом.

– Что ты имеешь в виду?

– Ежели Александр II женился на простой княгине, неравнородной, то его сын может это сделать и подавно!

– Понимает ли Государь, что собственноручно отворил ящик Пандоры, что сам и подрывает основу, на которой зиждется самодержавие, – Зинаида прикусила себе язык. Нельзя было пускаться в подобные рассуждения с ребенком. Кто знает, где и с кем она может поделиться мыслями сестры. Хорошо еще, что Зинаида не высказала все, что думала о том, как глупеют с возрастом мужчины и какими жалкими они выглядят в своих потугах оставаться страстными любовниками, вместо того, чтобы с достоинством и благородством встретить старость. Таких примеров вокруг было предостаточно.

Таня пожала плечами. Ей было абсолютно безразлично, что там произойдет с самодержавием. Главное, чтобы Польша была рядом.

XIII

Скоро братья получили ответы от Государя. Он был несказанно рад, что дети проявили благоразумие и даже определенную мудрость, которую, положив руку на сердце, сложно было ожидать от двадцатилетних юношей в таких непростых обстоятельствах. Отец был искренне признателен сыновьям, что они сняли с него груз переживаний по поводу возможного скандала и неповиновения.

В Риме Великих Князей навестил дядюшка Николай Николаевич. Сам ли он решил поддержать Царевичей или по просьбе Императора, было не важно. Главное, братья окунулись в хлопоты по приему Великого Князя и были заняты показом ему достопримечательностей, которые сами уже видели.

Затем начался карнавал. Молодым людям было невероятно любопытно увидеть его собственными глазами. Смущал лишь один момент – они еще были в трауре по матери. Арсеньев отправился выяснить, насколько это было бы уместно. К счастью, оказалось, если не принимать участия в самом действе, а лишь понаблюдать за карнавалом со стороны, это никаким образом траура не скомпрометирует. Так и поступили. Братья были в восторге. Радость на мгновение снова заглянула в их жизни.

В середине февраля к ним приехал двоюродный брат, Константин Константинович. Он внес в их жизнь забытую струю легкого веселья и беззаботности.

Только братья начинали потихоньку оправляться после всех несчастий, как их постиг новый удар. Злой рок, выбрав жертву, не собирался ее отпускать. Из объятий ангела бездны было не вырваться.

Первого марта в два часа дня Сергей, бледный как полотно, ворвался в комнату Павла без стука и дрожащими руками протянул ему телеграмму от Цесаревича, в которой тот сообщал, что на отца было совершено покушение. Император был серьезно ранен и истекал кровью. Через час пришла вторая телеграмма, уже о смерти Государя.

Великие Князья немедленно отправились в Санкт-Петербург, чтобы успеть на прощание с отцом. В Берлине выразить соболезнования к ним в поезд приехал Вильгельм I. Старик был

искренне разбит горем и много плакал. Все это было невыносимо. Наконец, поезд снова тронулся в путь.

У Павла разрывалось сердце от противоречивых чувств. Он искренне любил отца. Потерять родителя столь неожиданно было адским испытанием. Не прошло еще и года после ухода обожаемой матери, и вот теперь он осиротел полностью. Великий Князь задыхался от возмущения и гнева при одной только мысли, что террористы смогли воплотить свои злодейские замыслы. Мерзавцы! Убить Царя, который дал крестьянам свободу, провел столько реформ и через несколько дней собирался рассмотреть проект конституции! Черная неблагодарность! Однако на фоне нестерпимого горя и неприятия, на мгновение из глубин сознания выныривала крамольная мысль, что для семьи, возможно, это к лучшему... Тут же юношу одолевала стыд и раскаяние за это свое ужасное чувство, которое он хотел бы утопить в темном омуте печали, чтобы оно никогда не поднимало голову. Но начинался новый круг еще более глубокого горя, затем гнева и далее по порядку...

Сергей видел, что брата терзают мучительные думы. Он сел рядом.

– Пиц, знаю, твоя душа тоже разбита и перевернута. Эти события все уничтожили... – Сергей положил руку на свою грудь, где комком стояла боль. – А более всего меня гложет, что я был зол на отца и желал справедливости... Я не мог представить себе, как мы будем жить в его новой семье. Не видел нас всех вместе после возвращения из Италии. Видел тебя, себя, братьев, но не его. Я словно вычеркнул Папá из будущего, пока он еще был жив...

– Меня тоже разъедает эта мысль...

Павел не признался брату в том, что в Риме со злости посылал отцу страшные проклятия. Он боялся, что Сергей посчитает его чудовищем...

Старший брат обнял Пица.

– Мы были расстроены из-за Мама́. Господь все видит и знает, что это слишком мучительно! Как человеку вынести такое? – Сергей задумался. – Одно хорошо, что Арсеньев настоял, чтобы мы написали отцу. Иначе сейчас мы бы себя не простили. Так, по крайней мере, он покинул мир, уверенный в нашей любви и почтении...

– Да, это большое облегчение теперь. И все благодаря тому, что ты меня уговорил... Вначале я твердо решил стоять на своем и этот брак не признавать! Слава Господу, я не стал упираться!

– Мы решили, что положимся на волю Божию...

– И вот она... Что это, если не рука Провидения?

Братья ещё долго молча смотрели в окно, не в силах в полной мере осознать всего произошедшего.

XIV

Утром Великие Князья прибыли в заснеженный Петербург. Их сразу же повели в кабинет отца, где тот испустил дух. Там сыновьям открылась страшная картина. Кровь уже смыли, но одежда убитого Государя, превратившаяся в клочки, свидетельствовала о невероятной тяжести ран. От длинной шинели Александра II, который был высок ростом, остался лишь крошечный кусок материи, небольшая пелеринка.

– Вы себе даже не представляете... Вся лестница и коридоры были покрыты его кровью. Целые лужи крови... – мрачно поделился Владимир Александрович. Он закрыл глаза и потряс головой, словно пытаясь избавиться от жутких воспоминаний, которые стояли перед глазами.

– Мы хотим увидеть Папá... – время от времени Сергей брал на себя труд говорить и за себя, и от лица младшего брата, будто они были одним целым, и у Павла не могло быть других чувств, желаний или стремлений. Младший брат не обижался, поскольку понимал, что Сергей делает это исключительно из любви к нему. Кроме того, в тот раз желание Павла не расходилось с видением старшего брата.

Останки зверски убитого Императора были перенесены в Большой храм Зимнего дворца. Братья приложились к телу. Павел смотрел на изувеченного старика в гробу и не мог узнать в нем отца. Нет, внешне это был Александр II, хоть и истерзанный и заметно постаревший. И все же, это был не он. Без царственного величия, без обуревающих чувств и страстей это было лишь тело. Лишь холодная плоть без отцовской души. Павел надеялся, что рядом с останками он почувствует родителя, но к его огромному огорчению этого не произошло.

После долгой молитвы осиротевшие сыновья отправились на место преступления, где насилу протиснулись сквозь рыдающую народную массу. Узнав их, какой-то старичок обратился к собравшимся, чтобы те пропустили детей погибшего Государя. Толпа почтительно расступилась. Мостовая была устлана цветами и венками. У выставленного образа в почетном карауле стояли часовые. Горе народа, которое в тот момент ощутили братья, тронуло их до глубины души. Вся страна скорбела вместе с ними. Это не могло залечить раны, но придавало сил и веры в то, что страшная жертва, принесенная отцом, была не напрасна.

Скоро тело Александра II перевезли в Петропавловскую крепость. Сыновья шли в траурной процессии без шинелей позади гроба, установленного на колесницу, над которой возвышался балдахин из золотой парчи, увенчанный Императорской короной. Первым шагал Александр III в генеральском мундире с Андреевской лентой через плечо, остальные братья следовали за могучей фигурой нового Императора. Маршрут выбрали длинный, через Васильевский остров, чтобы больше людей могли проститься с Царем-Освободителем. За два с лишним часа скорбного хода Павел выдохся и околел. Ноги промокли в тающей, хлюпающей жиже. Хоть погода стояла ясная, мороз и ледяной, пронизывающий ветер не давали забыть, что зима еще не сдала свои права. Но юноша не хотел отставать от старших братьев, которые считали холод и усталость лишь малой платой за то, чтобы почтить память отца, как должно.

Затем Сергей с Алексеем потащили его к молодой вдове, княгине Долгорукой, которой усопший успел даровать титул светлейшей княгини Юрьевской, и которую они впервые увидели, когда крышка гроба навсегда скрыла от мира Александра II. Впечатление от этого визита у Павла осталось самое тягостное. Женщина, которая в одночасье потеряла любовь и защиту дорогого супруга и Монарха, беспрестанно рыдала. Порой дама заговаривалась и было ощущение, что она сходит с ума. Особенно грустно было видеть заплаканных маленьких детей. Павел больше не испытывал злости к княгине. Она уже была довольно наказана. И все же он удивлялся Сергею, как тот искренне жалел Екатерину Михайловну. Алексей, возможно, видел в ней такую же жертву обстоятельств и злого рока, как в своей давней несчастной возлюбленной Жуковской. Но Сергей, который вместе с Павлом мог пострадать от Долгорукой гораздо сильнее остальных братьев, проявлял наивысшее благородство и милосердие. Пиц гордился братом и чувствовал себя таким несовершенным в сравнении с ним.

С самого приезда Павел страдал от боли в боку. После осмотра Боткин разрешил ему быть на панихиде, но более никуда не ходить и вообще рекомендовал сразу после похорон вернуться в Италию. Павел пытался упираться, но старшие братья настояли.

Почти сразу же в поезде Павел ощутил некоторое облегчение. Старшие братья невольно задавали такую высокую планку в скорби и сочувствии близким, что в стремлении достичь их уровня Павел немного терял суть происходящего. Теперь один в своем вагоне он мог спокойно оплакать отца. Сын видел пред глазами сцену гибели – взрыв первой бомбы, когда карета Царя почти не пострадала, и Император мог уехать, но вышел чтобы помочь пострадавшим. Павел желал бы, чтобы отец был более осторожен, немедленно покинул место происшествия и остался жив. Но одновременно с этим он восхищался им. Гордость переполняла его за истинно христианский поступок Монарха, за его безрассудную смелость, за благородство, широту души и любовь к вверенному ему Господом народу.

Если бы можно было повернуть время вспять и не произносить всех злых слов, сказанных сгоряча в адрес любимого отца в Риме, на душе Павла было бы спокойнее.

XV

В начале мая у Карновичей на суаре собрались друзья сына Сергея, офицера в отставке, ныне успешно несущего гражданскую службу. Поводом для скромного праздника послужил его день рождения. Среди гостей были братья и сестры именинника, а также его приятели разных мастей – товарищи с гражданскими чинами и бывшие сослуживцы по русско-турецкой войне. У младшей сестры Лели глаза разбегались от всех этих мундиров и эполет, наполнивших их старый дом на Мойке. Девочка весь вечер находилась в легкой ажитации. Ее блестящие темные глаза не могли оставить равнодушным ни одного холостяка в пределах видимости. Лишь ненадолго кавалеры отвлекались обсудить отставки министров, произведенные Александром III, но потом снова возвращались к настоящей жемчужине вечера.

После праздничного обеда в столовой, все перешли в белую гостиную с венецианскими зеркалами и лакированной мебелью. Сергей сел за рояль и тихонько наигрывал прелестный дуэт из новомодной оперы «Сказки Гофмана» Оффенбаха, премьеры которой состоялась пару месяцев назад в Париже. Молодой человек увлекался искусством и был в курсе всех театральных новинок. Он умел раздобыть ноты самых свежих произведений даже раньше многих российских музыкантов. Баркарола Оффенбаха была настолько очаровательна и мелодична, что Леля едва сдерживалась, чтобы не закружиться по комнате. Она невольно раскачивалась в такт, чем вызвала тревогу старшей сестры, которая с ужасом представляла, что сестренка, забыв о трауре, пустится в пляс. Это был бы неприятный конфуз для всей семьи.

– Неужто танцы совершенно недопустимы? – попыталась прояснить ситуацию Леля у одного из своих старших братьев, Дениса.

– Сейчас траур, – лишь развел руками тайный советник. Денис Валерианович уже давно жил отдельной семьей и видел младшую сестру лишь на семейных праздниках.

– Хорошо, пусть галоп и неуместен, но разве какой-нибудь грустный вальс считался бы нарушением?

– Мы должны уважать память почившего Императора.

– Александр II любил танцевать! Если бы он сейчас видел, какие мы скучные, он бы рассердился! – не согласилась девочка.

Поняв в конце концов, что танцев не будет, Леля встала и подошла к роялю. Она взяла ноты и стала намурлыкивать слова баркаролы с листа. Ее звонкий юный голос тут же приковал к ней взгляды всех присутствующих в комнате. Леля чувствовала, что мужчины прожигают ее взглядами, но барышню это не смущало. Ей нравилось быть в центре внимания.

– Мама, я переживаю за Ольгу! Уж слишком она жаждет внимания, а в голове одни сладостные мечтания... – Люба все-таки решила поговорить с матерью, для чего вызвала ее в кабинет. Учитывая покорную почтительность детей по отношению к Ольге Васильевне, это был довольно смелый шаг.

– Ты чересчур строга к ней, – заступилась за Лёлю Ольга Васильевна. Дама она была суровая, детям спуска за шалости не давала, но к младшей дочери испытывала особенную нежность. – Когда еще мечтать о любви, как не в ее возрасте? Позже откроется вся грязная правда жизни, и мечтать уж расхочется. А что до жажды внимания, ты ошибаешься, у нее просто другой темперамент.

Любе странно было слышать от матери такие слова, поскольку от нее самой всегда требовали серьезности и самого скромного поведения.

– Как бы этот ее темперамент до скандала не довел... – пробурчала себе под нос дочь. – Отец мог бы начать подыскивать Лёле партию. Чем скорее выдадим ее замуж, тем покойнее будет всем и лучше ей самой!

– Ей в декабре исполнится шестнадцать. К чему такая спешка? Успеется...

Все же Ольга Васильевна к словам Любы прислушалась, хоть и делала скидку на ее повышенную эмоциональность, ведь дочь носила под сердцем ребенка. Любовь Валериановна еще

могла появляться в обществе, пока ее положение не было заметно. Однако волнение и повышенная тревожность порой брали над ней верх.

Ольга Васильевна вышла в гостиную и окинула всех строгим взглядом. Леля с Сергеем негромко пели только что разученный дуэт. Так это вышло мило, что в конце они сорвали настоящие аплодисменты. Овации были бы более бурными, если бы не траур. Увидев мать, Леля приняла самое невинное выражение лица и, сделав почтительный реверанс публике, прошла к Ольге Васильевне и села рядом с ней. Весь остаток вечера она излучала ангельскую скромность.

Однако мать семейства провести было нелегко и за поведением младшей дочери она стала следить пристальнее, хоть в тот вечер ничего предосудительного ею замечено не было.

XVI

В середине апреля в Рим вернулся Сергей Александрович. Павел с нетерпением ждал брата не только потому, что жутко по нему соскучился, а еще и в предвкушении долгожданного путешествия в Палестину, которое они задумали предпринять. Братья мечтали попасть на Святую Землю к годовщине смерти матери, чтобы отслужить по ней панихиду в Иерусалиме. Сыновья полагали, что Мария Александровна, как глубоко верующая женщина, была бы расстроена и непременно оценила бы их порыв.

В начале мая они отправились в путь. К ним присоединился кузен, Константин Константинович. Из Рима Великие Князья поехали в Неаполь, где их взял на борт фрегат «Герцог Эдинбургский». Море благоволило путешественникам, балуя их спокойными лазоревыми картинками на протяжении почти всей поездки. Поштормило лишь немного. Павел был горд – он переносил болтанку легко, будто заправский моряк, в то время как Сергей с Костей чувствовали некое томление и были бледнее обычного.

Первой остановкой были Афины, где Великие Князья навестили сестру Кости, королеву эллинов Ольгу. Она и ее венценосный супруг как обычно мило приняли родственников, свозили их на свою симпатичную дачу в горах, в Татое, напоминающую большой деревенский дом, где на барбекю присоединились дети хозяев. Рядом с Павлом сидела бойкая греческая принцесса, пухлая девочка лет одиннадцати, которая держалась с русским Царевичем очень по-взрослому.

– Как Вы находите Афины? – поинтересовалась Аликс у Великого Князя, когда расселись вокруг вертела прямо на траву. Греческие монархи не были рабами церемоний.

– Восхитительно! Мы в восторге от Акрополя, развалин Элевзине, храма Тезея... – дежурно ответил Павел.

– Музеи на мой вкус не так хороши, как в остальной Европе... – у Павла вытянулось и без того длинное лицо, поскольку подобное критическое замечание вряд ли можно было ожидать из уст ребенка.

– Коллекция Шлимана очень неплоха, – вступился Павел за музеи Эллады и полюбопытствовал. – Вам не докучает жара?

– Вы полагаете, это жара? – Аликс снисходительно улыбнулась с видом «ох уж эти родственники из промозглой России». – Сейчас довольно прохладно для мая месяца...

Несмотря на то, что Греция совершенно очаровала странников природной гармонией и приятной ленью, им следовало без задержки отправляться в путь, если они не хотели провести день памяти матери в дороге. Распрощавшись с Августейшими родственниками, Великие Князья продолжили путешествие. Благодаря попутному ветру, они добрались до Яффы менее чем за три дня. Там их встретили делегации от султана и православного духовенства.

Русские Царевичи и их сопровождение пересели в экипажи и направились в Иерусалим по выжженной солнцем равнине. Из каменных башен, выстроенных вдоль дороги для защиты от разбойников, выходили башибузуки и приветствовали Высоких гостей, отдавая Великим Князьям честь.

Заночевать пришлось в Латруне, а с рассветом братья вновь продолжили путь, который теперь шел через горы, окутанные вуалью утреннего тумана. Сделав остановку у развалин готического храма времен Крестовых походов и позавтракав в Колонии, братья переоделись в парадные мундиры и приготовились к въезду в Святой Град.

Подъезжающих к Иерусалиму Высоких паломников встретили толпы ликующих людей и яркое солнце, вышедшее из-за облаков. Патриарх и духовенство приветствовали Августейших путешественников на пороге храма Воскресения Христова торжественной речью под аккомпанемент волшебного колокольного перезвона. Братья потеряли дар речи от охватившего их благоговения при виде находящегося в храме, возведенном на месте, где по Священному Писанию был распят, погребен и воскрес Иисус Христос, горы Голгофы, Камня помазания, на который положили тело Спасителя после снятия с креста, Кувуклии с Гробом Господним. От пения «Христос Воскресе из мертвых» там, где после трехдневного погребения восстал из гроба Господь, у молодых людей заходились сердца.

Все пребывание в Иерусалиме было наполнено невероятными, ни с чем не сравнимыми, впечатлениями от близости к главным христианским святыням. Души Павла и Сергея трепетали, когда они приложились к тому месту на Голгофе, где был установлен крест и распят Христос. В том трепете было не только почитание подвига Спасителя, но и что-то сродни холодящему кровь предчувствию. Братья своим ощущением друг с другом не поделились, приписав его страданиям, связанными с убийством отца. Ярчайшие эмоции постепенно вытеснили то чувство. Оно окончательно было забыто, когда исполнилась главная мечта молодых паломников – в ночь на двадцать второе мая они прибыли в храм Воскресения Христова на заупокойную обедню по случаю годовщины кончины матери. Через день была отслужена литургия и панихида о почивших Государе и Государыне. После богослужения патриарх ввел Великих Князей в пещеру Гроба Господня. Снова в их молитвах родители были вместе и между ними не было никаких разлучниц – ни Долгорукой, ни той, что с косой.

До отъезда братья посетили и осмотрели все самые дорогие сердцу христианина места, съездили в Вифлеем и к берегам реки Иордан. Великие Князья пришли в восторг от идеи опекавшего их во время всего пребывания архимандрита Антонина заложить в Иерусалиме храм в память о матери. Переполненные радостью и благодатью, которыми их щедро одарила Святая Земля, они вернулись на свой корабль.

Проснувшись утром, Павел торопился поделиться со старшим братом своим сном, однако тот опередил его.

– Пиц, мне сегодня снился Папá. Он подошел, обнял и благословил меня...

Павел уставился на Сергея, не моргая.

– Что с тобой? – испугался Сергей. Он вдруг подумал, что брат мог расстроиться, что отец явился именно ему.

– Невероятно! Этого не может быть!

– Наверное, но это всего лишь сон...

– Нет, это не всего лишь сон... потому что мне привиделось тоже самое!

Настал черед Сергея потерять дар речи.

– Это значит, что отец простил нас за наше роптание и недовольство из-за его женитьбы!

Не зря мы столько молились у Гроба Господня!

Братья обнялись, чувствуя невероятное облегчение. Наконец, они смогли избавиться от угрызений совести, мучавших их с того самого момента, когда они узнали об убийстве отца.

– Нет, все же сны не одинаковые, – вдруг заявил Павел.

Лицо Сергея помимо его воли стало превращаться в гримасу разочарования.

– Он еще поцеловал меня после благословения, – прыснул младший брат.

Их Высочества уже давно не смеялись так беззаботно и искренне.

Глава II

I

Когда с тобой уже произошло все самое страшное, и в океане отчаяния ты коснулся дна, есть основание полагать, что хуже быть не может. Наоборот, отстрадав и выплакав все слезы, ты начинаешь надеяться, что теперь жизнь должна повернуться к тебе своей светлой стороной, ибо и на испытания, выпадающие на душу населения, должен быть какой-то разумный лимит. Так немного наивно, отчасти в силу молодости, отчасти из-за крох унаследованного от отца жизнелюбия, полагал Павел. Молодой человек решил, что пора перевернуть горестную страницу и пытаться жить дальше. Постепенно его воспоминания о родителях становились легче и светлее.

Из-за траура по матери, а затем по отцу, присяга, которую должен был принести Великий Князь по исполнении совершеннолетия, была перенесена на конец года. К тому времени для государственной клятвы созрели еще два кузена – Дмитрий Константинович и Михаил Михайлович, что несказанно радовало Павла, поскольку он, хоть ни с кем и не делился, немного смущался быть один в центре всей торжественной церемонии.

Монарх назначил присягу на Георгиевский праздник. В Гатчинском дворце собрался весь свет – Великие Князья и Княгини, статс-дамы и фрейлины, первые чины двора и самые высокопоставленные кавалеры ордена Святого Георгия. Император подвел молодых людей к аналою, поставленному перед алтарем с животворящим крестом и Евангелие, где они присягнули в верности царствующему Государю и Отечеству, в соблюдении правил наследства и установленного фамильного распорядка. Прочтя вслух слова присяги, юноши закрепили клятву подписью на присяжных листах. Затем после молебна Георгию Победоносцу в Белом зале Великие Князья произнесли присягу на верность службе Государю и Отечеству.

Во время церемонии Павел обратил внимание, как изменился Августейший брат. Он будто расправил крылья, которые были скрыты от посторонних глаз во время правления отца. Александр III излучал уверенность и надежность. Со вступлением на престол в нем появилось величие, которого в считавшемся несимпатичным и грузным Цесаревиче никто доселе не замечал. Страна вдруг поняла, что может жить спокойно под защитой могучего Царя-великана. Павла переполняли искренние верноподданнические чувства, и принесенная присяга шла из самых глубин его сердца.

После церемонии состоялся парадный завтрак, а затем младшие братья поехали обедать и провести вечер с Царской семьей.

– Неужто ты совсем не нервничал? – поинтересовался Сергей у Пица, когда они остались одни перед ужином. – Звучал очень уверенно! Стыдно вспомнить, как у меня дрожал голос...

– Мне было проще – рядом были Митя и Миш Миш. Но на моей присяге не было родителей... Перед началом церемонии я все ловил себя на мысли, что невольно жду, когда они появятся...

– Нам всегда будет их не хватать... А еще я помню, как на ужине после моей присяги мне преподнесли букет от княгини Долгорукой. Как же я разозлился! Кто бы мог тогда подумать, как все перевернется позже...

– Ты был у нее? Как она?

– Собирается уехать в Европу. Саша не слишком ее жалует...

– Это самое верное решение...

– Я буду скучать по детям... странно, но с ними у меня появляется какое-то подобие ощущения семьи... все же в их жилах течет кровь Папá. Знаешь, маленький Гога невероятно напоминает тебя в детстве...

В душе Пица, неожиданно для него самого, зашевелилась ревность. Он прекрасно понимал, что это страшная глупость, и все же ему неприятно было думать, что Сергей может полюбить кого-то так же, как его. Нет, скорее это был страх, что его разлюбят, что он станет никому не нужен. Любовь брата – это все, что у него тогда оставалось. Саша и Владимир тоже заботились о нем, но у них были свои семьи. Алексей и сам был неприкаянный, нигде долго не задерживался, как перекасти-поле. В те дни не было на свете человека ближе Павлу, чем Сергей.

Вдруг из-за дверей появился племянник Ники и отвлек Великого Князя от болезненной мысли.

– Секретничаете? – тринадцатилетний Цесаревич хитро улыбнулся, словно раскусил, что темой их разговора была дама, которая доставила семье столько огорчений и упоминания которой старались избегать в доме Александра III. Увидев растерянные лица братьев отца, мальчик тут же сменил тему. Врожденная тактичность не позволяла ему ставить людей в неловкое положение и заставляла быстро исправлять ошибки естественной детской беспечности. – Пойдемте скорее, мне не терпится услышать о ваших последних путешествиях! Дядя Пиц, Папá сказал, ты снова уедешь. Ты настоящий странствующий рыцарь!

– Врачи убедили всех, что здешний зимний климат вреден моим легким. Я уже, верно, надоел родственникам за границей, особенно королю Эллинов, но что поделаешь!

II

Николай Борисович Юсупов какое-то время надеялся, что дочь Зинаида передумает выходить замуж за заурядного кавалергарда, единственными достоинствами которого на первый взгляд были яркая внешность жгучего брюнета да фамилия Сумароков-Эльстон. Ах да, еще родственники Голицыны. Дочь была слишком умна, чтобы очароваться высоким ростом и пышными усами. Отец рассчитывал, что это временная вспышка, которая потухнет, как только княжна рассмотрит посредственные умственные способности жениха. Однако прошел год, но дочь решения своего не изменила, и Юсупову пришлось начать подготовку к свадьбе после официального объявления о помолвке.

Свадьба была назначена на четвертое апреля.

Татьяна ехала к храму Св. Двенадцати апостолов при Главном почтовом управлении в карете с невестой и отцом. Она не могла отвести глаз от сестры, парчовое платье которой искрилось серебром в весенних лучах. Голову Зинаиды украшали венки из померанцевых цветов и мирты и невероятной красоты длинная кружевная фата, принадлежавшая когда-то самой Марии-Антуанетте. Но главным украшением невесты были ее огромные глаза цвета апрельского неба, сияющие от любви и предвкушения счастья ярче бриллиантов в диадеме.

– Зайдэ, какая ты невероятная красавица! – восхищенно прошептала сестра, взяв руку княжны.

Зинаида молча улыбнулась. Обычно спокойная и уравновешенная на людях, в тот день она была взволнована, как и полагается новобрачной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.